

Смирнова Анастасия Алексеевна, магистрант
Восточного факультета СПбГУ
yaanastasia.sm@gmail.com
Сторожук Александр Георгиевич, док. филол. наук,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Кафедра китайской филологии
a.storozhuk@spbu.ru

ПРИНЦИП СЫНОВНЕЙ ПОЧТИТЕЛЬНОСТИ В БУДДИЗМЕ НА ПРИМЕРЕ «СУТРЫ ИЗНАЧАЛЬНОГО ОБЕТА БОДХИСАТТВЫ КШИТИГАРБХИ»

Аннотация. В период распространения буддизма в Китае, конфуцианство выступало идеологическим противником нового учения, ввиду несоответствия буддизма конфуцианским идеям. Споры о праве существования буддизма в Поднебесной в частности касались вопроса о наличии в его идеях принципа сыновней почтительности. Ввиду внешнего давления, во взаимодействии с традиционными учениями, буддизм сформировал собственную интерпретацию сыновней почтительности. Данная статья – это попытка показать, как принцип сыновней почтительности трактуется в китайском буддизме на примере «Сутры изначального обета бодхисаттвы Кшитигарбхи».

Ключевые слова: Китай, история, литература, буддизм, конфуцианство, даосизм, сыновняя почтительность.

Smirnova Anastasia Alekseevna, muster student
Faculty of Asian and African Studies
St. Petersburg State University
yaanastasia.sm@gmail.com
Alexander G. Storozhuk,
Dist. PHD,
St. Petersburg State University,
Department of Chinese Philology
a.storozhuk@spbu.ru

Abstract. During the period of the spread of Buddhism in China, Confucianism acted as an ideological opponent of the new teaching, due to the inconsistency of Buddhism with Confucian ideas. Disputes about the right of existence of Buddhism in the Middle Kingdom in particular concerned the question of the existence of the principle of filial piety in its ideas. Due to external pressure, in interaction with traditional teachings, Buddhism has formed its own interpretation of filial piety. This article is an attempt to show how the principle of filial piety is interpreted in Chinese Buddhism by the example of the "Sutra of Bodhisattva Ksitigarbha's Fundamental Vows".

Keywords: China, history, literature, Buddhism, Confucianism, Taoism, filial piety.

Падение династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) ознаменовало собой новый виток в развитии культурной стороны китайского общества. Несмотря на существующую политико-экономическую нестабильность и крушение устоявшихся ценностей, образовалось свободное пространство в духовной сфере, которое позволило новым идеям проникнуть в Китай и укрепить свои позиции на арене китайского религиозно-философского блока. Бань Гу в «Истории династии Хань» (*хань шу*; 漢書) даёт следующую трактовку сосуществования религиозно-философских школ и их взаимной трансформации: «Всех философов

насчитывается сто восемьдесят девять, их сочинения насчитывают тысячу четыреста тридцать четыре главы. ... Хотя каждая из школ учила по-своему, и они, похоже, уничтожали одна другую, как вода и огонь, но в то же время они и порождали одна другую; человеколюбие и долг, почтительность и гармония противоречили друг другу, но в то же время поддерживали друг друга» [2].

Конфуцианство – это господствующее религиозно-философское учение Древнего Китая. В его основе содержатся такие принципы, как человечность (*жэнь*; 仁), справедливость (*и*; 义), ритуал (*ли*; 礼), знания (*чжи*; 智) и верность (*синь*; 信), в сочетании составляющие образ «благородного мужа», и транслирующего исполнение принципа сыновней почтительности *сяо* (孝). Однако все эти принципы обладали двойственным характером и могли по-разному восприниматься в зависимости от того, с какой стороны их трактовать. Так, например, говоря о сыновней почтительности, как об одном из постулатов конфуцианской философии следует отметить, что характер этого принципа был несколько условным. Обратимся к трактату Мэн-цзы. «Ци Сюань ван спросил: "Тан ван изгнал Цзе вана, У Ван разгромил Чжоу Синя, было ли такое?" Мэн-цзы ответил: "Верно, [об этом] есть записи". Тогда Ци Сюань ван спросил: "Может ли подданный убить правителя?" Мэн-цзы ответил: "[Человек] нарушающий принцип гуманности, называется злодеем, нарушающий долг – губитель, нарушающий эти [принципы] человек называется тираном. Я слышал только, что У Ван казнил тирана Чжоу, не слышал, чтобы он убил правителя"» [11]. Приведённый отрывок на примере принципа сыновней почтительности по отношению к правителю подтверждает противоречивость конфуцианских идей относительно собственной философии. В данном контексте принцип *сяо* может считаться исполненным исключительно при условии неизбежного следования добродетели двух сторон: правителя и подданного. Такая же ситуация наблюдалась и в исполнении сыновней почтительности между родителями и детьми, в рамках которой родители также должны были быть идеалами добродетели по отношению к сыну или дочери. В ситуации же, когда родитель не отвечал критериям, соответствующим образу благородного мужа, исполнение сыновней почтительности по отношению к нему, наоборот, считалось взращиванием порочности.

Дополнительным фактором, послужившим причиной постепенного отдаления китайцев от конфуцианства и последующего поиска альтернативного учения, являлось отсутствие в конфуцианской философской мысли идей, удовлетворяющих потребности общества, касательно вопросов происхождения добра и зла, теодицеи и жизни после смерти. В учениях данные аспекты либо отрицались, либо не упоминались вовсе. Ведь как сказал Конфуций: «Не зная, что такое жизнь, как можно знать, что такое смерть?» [9]. В древнем Китае не было представления об аде и рае. Мудрецы придавали большое значение поклонению предков. Они оставляли надежды на будущую жизнь, ничего не говоря про прошлую [7].

В глазах общества конфуцианство всё дальше отдалялось от идеала философско-религиозной школы, и в поисках духовной истины китайцы начали задаваться поиском альтернативного учения. Элитарный слой реализовывал свои потребности в толковании смыслов путём присоединения к даосским школам, таким как секта «Пять мер риса», формально соответствующая канону. Иные обратились к буддизму, новому иноземному учению, отвечающему потребностям общества, желающего обрести душевное спокойствие и умиротворение, отстранившись от политических потрясений.

Знакомство китайцев с буддийским учением, распространяющимся посредством монашеского сообщества, произошло уже в I в. н.э. С этого периода перед иноземными монахами стояла сложная задача распространения вероучения, на пути которого стояли серьёзные идеологические разногласия. Преодолевая их, путём взаимодействия с локальными учениями и внутренних трансформаций самого буддизма, он постепенно наращивал свою идеологическую мощь и укрепился в культуре Китая, как одно из трёх фундаментальных религиозно-философских течений.

Философско-религиозные учения сформировали содержательную особенность и специфику функционирования духовной сферы бытия китайского государства. Сами учения находились в непрерывном процессе трансформации, формируя более сложные системы. «Общее представление о законах мироздания прекрасно соединяют конфуцианство и даосизм в единую философскую общность, лишенную внутренних противоречий и объясняющих разные аспекты соотношения человека и Космоса, социальный и личностный соответственно. Включение в данную синтагму буддизма как учения о воздаянии, о перерождении души и вообще о возможности бессмертия сознания, никак не связанного с ритуалами почитания предков, представляется логичным и также непротиворечивым» [4, с. 410]. Именно эти принципы, оказавшиеся идеологически привлекательными в переломный момент китайской истории, в определённой степени способствовали интеграции охваченного политическими, социальными, культурными противоречиями китайского общества.

Во взаимодействии с конфуцианством и даосизмом индийский буддизм претерпел процесс «китаизации», и после длительного периода интеграции три учения сформировали философско-религиозный блок *сань цзяо* (三教), который достиг своего апогея к XII веку и стал неотъемлемой частью китайской традиционной культуры. «Весь период утверждения буддизма в Китае сопровождался бурными полемиками буддистов с конфуцианцами и даосами. Но если с даосами буддистам удавалось найти определённые точки соприкосновения, то с конфуцианцами у них постоянно происходили ожесточённые дискуссии, как в идеологическом плане, так и в практическом» [6, с. 63].

Одним из таких положений являлся принцип сыновней почтительности. Сыновняя почтительность на протяжении тысячелетий существования китайского общества являлась ядром конфуцианской этики и морального кодекса, реализуя преемственности поколений, воспитывая уважения к традициям своей семьи, а через неё и к культурным традициям всего китайского этноса. В Лунь Юе сказано, что «сыновняя почтительность и любовь к старшим братьям – основа человеколюбия» [9]. В то же время *жэнь* является основополагающей характеристикой благородного мужа, а значит, следование принципам *сяо* и *жэнь* является гарантом духовного развития и, как следствие, карьерного роста в рамках конфуцианского учения [3].

С проникновением в Китай буддизма, пропагандируемого индивидуальное спасение и противоречащее ортодоксальным взглядам конфуцианцев, оно было подвержено резкой критике. Буддийские монахи отказывались от семьи, что шло вразрез с конфуцианской добродетелью и ролевой этикой. Ранние нападки конфуцианства на буддизм, касающиеся вопроса сыновней почтительности, отражены в трактате Моу Цзы (牟子) «Лихолунь» (理惑论). «Конфуцианский оппонент спрашивает: «В “Книге сыновней почтительности” говорится, что тело, волосы, кожу получаешь от отца и матери, поэтому не смей их повреждать... Ныне монахи бреют головы, а ведь это противоречит словам мудрых людей и не соответствует сыновней почтительности?». Чтобы ответить на этот вопрос, Моу Цзы рассказывает следующую притчу: «В старину отец с сыном переправлялись на лодке через реку. Отец упал в воду, тогда сын (вытащил отца из воды) схватил отца за макушку головы и перевернул его, чтобы вода вышла изо рта. Тем самым сын привёл отца в чувство» [6, с.64]. Подобное поведение является нарушением принципа *сяо*, однако таким образом сын спас жизнь отца. Следовательно, «принцип сыновней почтительности необходимо понимать гораздо шире» [Там же]. За несоблюдением внешних признаков почтения стоит стремление к спасению себя и ближнего. «Именно в таком духе впоследствии буддисты приспособливали этот важнейший конфуцианский принцип к своему учению. В конечном итоге этот принцип был истолкован как завет вывести родителей на путь «спасения», т. е. путь, указанный Буддой» [Там же].

Отсылки к конфуцианскому принципу сыновней почтительности и поиск точек соприкосновения касательно заданной проблематики не приводил к качественным результатам, поэтому в рамках постоянно возникающего недовольства конфуцианцев,

буддизм начал собственную «трансформацию», пытаясь приспособиться к местным этическим представлениям, ввиду чего в буддизме была сформулирована собственная концепция сыновней почитательности, проиллюстрированная на примерах различных сутр. Одной из них является «Сутра первоначальных обетов бодхисаттвы Кшитигарбхи».

Имея цель популяризировать идею великого духа сыновней почитательности бодхисаттвы Кшитигарбхи (*Ди Цзан*; 地藏), сутра была использована в качестве классического буддийского произведения, пропагандирующего мысль о сыновней почитательности, а отражённые в ней истории о существовании в буддизме принципа *сяо*, стали примером «китаизации» буддийского учения, а также частью народных верований, отражённых в культуре Поднебесной. В результате была сформирована «сыновняя почитательность с китайской спецификой».

Первый пример мы находим во II главе сутры изначального обета бодхисаттвы Кшитигарбхи. Во времена проявившегося будды по имени «Самосуший Царь Самадхи Цветка Пробуждения» [Там же] жила девушка-брахманка, которая за свои прошлые жизни совершила столько заслуг, что в настоящем она переродилась в почитаемом статусе, была всеми уважаема, и даже дэвы наблюдали за её жизнью. Однако душа девушки не была спокойна, поскольку она знала, что её мать стоит на ложном пути, она «исповедовала ложные взгляды, осмеивала и бранила Три Драгоценности Она то верила, то отпадала от веры» [Там же]. Три драгоценности буддизма – это Будда, его учение — дхарма и монашеская община — сангха. По своей сути, это место объединения всех бодхисаттв, дающее возможность людям в их мире искупить свои прегрешения и обрести спасение. В то время как бодхисаттвы жалеют покаявшихся верующих и спасают их страждущие души, принимая различные личности и формы. Люди, не следующие этим путём, обрекают себя на страдания без возможности спасти свою душу и переродиться в лучшем мире без посторонней помощи. Однако матери девушки-брахманки повезло, у неё была дочь, которая, проявляя сыновнюю почитательность, помогла матери выбраться из ада.

После смерти матери она ещё усерднее продолжала делать подношения будде и через некоторое время увидела его образ, после чего внезапно оказалась на берегу ужасного моря, название которого «Первое западное море великой горы Чакравад» [Там же]. «Множество ужасных птиц, тела которых были железными, летали туда-сюда над морем. Она узрела сотни, тысячи, десятки тысяч мужчин и женщин, которые то поднимались над водами моря, то снова тонули в них. Ужасные птицы вырывали из их тел куски мяса и пожирали их. Также она узрела якшей, которые имели различные тела. У них было много рук, у них было много глаз, у них было много ног, а у иных было много голов. Из их пастей торчали зубы, острые, словно мечи. Они гнали злодеев, заставляя их приблизиться к ужасным птицам, а некоторые из них сами терзали их. Их головы, ноги и тела имели самые разные формы. [Они были так ужасны], что невозможно было на них смотреть» [Там же].

В этом месте в разговоре с царём демонов девушка-брахманка узнала много про чудовищные моря и ады, которые возникают каждый раз, когда люди не создают «причины блага». После чего узнала, что её мать «Родилась на небесах. Как говорят, это произошло благодаря тому, что её дочь, проявляя дочернюю почитательность, совершила подношение в храме татхагаты Самосушего Царя Самадхи Цветка Пробуждения и таким образом стяжала [множество] заслуг» [Там же].

Несмотря на то, что мать девушки-брахманки не следовала трём драгоценностям буддизма, она родила дочь, которая благодаря накопленным заслугам предыдущих перерождений смогла спасти её душу из ада и удостоить её радости рождения на небесах. Практики девушки в человеческом мире, подношения и упование на праведность будды превзошли по своей силе и добродетели греховную карму её матери. История девушки-брахманки, которая потратила свое семейное богатство, чтобы спасти свою покойную мать из ада, ясно выражает великую сыновнюю почитательность к родителям Бодхисаттвы Кшитигарбхи.

Вторая история повествует нам о добродетели Кшитигарбхи времён пришествия будды по имени «Татхагата Око Чистого Лотоса» [Там же]. В ней мы узнаём историю девушки по имени Ясноокая. После смерти матери она каждый день и каждую ночь страдала в неведении от того, что не знала, где находится её мать. В разговоре с архатом она рассказала, что её мать «Чрезвычайно любила есть [мясо] рыб, черепах и прочей [живности] такого же рода. Поедая [мясо] рыб и черепах, она ела много их икры, которую она варила или жарила. Так как она была привязана к еде, то загубила тысячи, десятки тысяч жизней и даже во много раз больше». Архат, почувствовав искренность намерений девушки и её истинную веру, сказал: «Если ты будешь искренно памятовать о татхагате Око Чистого Лотоса, а также изготовишь его живописные и скульптурные изображения, то и живые, и умершие обретут пользу» [Там же]. После этого Ясноокая пожертвовала всем, что имела, чтобы узнать судьбу её матери, после чего увидела во сне будду, который пообещал ей, что они скоро встретятся.

Через некоторое время Ясноокая действительно смогла увидеть мать, которая благодаря деяниям дочери на 13 лет освободилась от мук великий адов и переродилась в теле сына служанки. «За убийство [живых существ] и за клевету [на буддийское учение]» её мать по прошествии этих лет должна была снова вернуться в ужасные ады. Однако Ясноокая не могла более позволить страдать матери и дала обет спасти страждущих из ада, пока он не будет пуст. Она сказала: «Начиная с этого дня в течение сотен, тысяч, десятков тысяч коти кальп я буду спасать всех погрязших во зле и страданиях существ трёх дурных форм существования, дабы они навеки покинули ады, [миры] животных, голодных духов и прочие тому подобные [миры]. Когда же эти люди, которые ныне обретают воздаяние за совершённые ими злодеяния, все до одного станут буддами, я обрету истинное пробуждение» [Там же].

Татхагата Око Чистого Лотоса услышал её слова и в ответ уверил Ясноокою, что за великие сострадания её мать переродится в теле брахмана, а когда проживёт сто лет, «переродится в мире, где нет печалей. Её жизнь там будет продолжаться бессчётные кальпы, а затем она станет буддой и будет спасать людей и божеств, число которых будет подобно числу песчинок в Ганге» [Там же].

Исходя из описанных рассказов «Сутры первоначального обета бодхисаттвы Кшитигарбхи» можно сделать вывод, что Кшитигарбха является олицетворением сыновней почтительности, а сама сутра – классическим произведением, пропагандирующим принцип сыновней почтительности *сяо*, в котором добродетельность, сострадание и любовь дочери к своей матери подтверждает существование в буддизме наличие принципа сыновней почтительности. Не придерживаясь этого принципа девушка-брахманка не пожертвовала бы всё своё состояние в пользу подношений, а Ясноокая никогда не приняла бы на себя тяжёлый обет о спасении грешных душ.

Помимо «Сутры изначального обета бодхисаттвы Кшитигарбхи» обратимся к «Улламбана сутре», в которой история про Маудгальяну (*Му Лянь*; 目連) являлась способом популяризации буддийского учения, но в Китае была интерпретирована через призму принципа сыновней почтительности, а в дальнейшем получила развитие в народных сказаниях *бянь-вэнь*. Красочные истории о Кшитигарбхе и Маудгальяне позволяют провести аналогию между героями и даже сделать предположение, что Кшитигарбха и Маудгальяна являются одной сущностью в различных перерождениях.

Обращаясь к тексту, мы видим, что после смерти родителей Маудгальяна отправился на их поиски. Его отец переродился на небесах, но мать при жизни не следовала трём истинам и ела мясо, ввиду чего попала в ад, став голодным духом. Маудгальяна нашёл голодающую мать в аду, у неё был большой живот и очень узкое горло, что она не могла есть. Маудгальян попытался накормить её рисом, используя свои магические способности. Однако как только она открывала рот, из неё вырывался поток пламени, и рис превращался в угли. Тогда не имея сил помочь ей, Маудгальяна обратился за помощью к Будде. Татхагата

посоветовал ему и всем монахам совершать подношения и посвящать заслуги, чтобы мать первого ученика могла обрести благое перерождение. Благодаря усилиям Маудгальяны мать покинула ад и переродилась в Раджагахе в виде собаки. Последующее чтение сыном сутр помогло ей обрести человеческий облик [8].

Данные истории не только повествуют нам о наличии сыновней почтительности в буддизме, но и иллюстрирует специфику этого принципа в буддийском учении. Мы замечаем, что буддийское учение по сравнению с конфуцианским обладает большей широтой действия и распространяется не только на ныне живущих членов семьи, окружающих людей или же правителей, но и на умерших и даже переродившихся в другом теле родственников. Кроме того, особенность буддийской сыновней почтительности скрывается в сущности самого учения, самоцелью которого является избавление от страданий. Подобное истолкование сыновней почтительности объясняло причину, по которой монахи отказывались от отцов и матерей, ведь жертвуя собой, они получали возможность следовать дхарме для накопления блага, используя добродетель для самосовершенствования и искупления не только себя, но и своих родных.

Таким образом, сыновняя почтительность в учении рассматривается с позиции «сделать всё возможное, чтобы мать и отец следовали трём драгоценностям, соблюдали пять священных добродетелей, жили в мире и переродились на небесах» [6, с. 67]. Однако несмотря на формирование частной трактовки принципа сыновней почтительности, буддизм не стал противоречить конфуцианским принципам, поскольку не исключал почтительного отношения к родителям. Голландский ученый Сюй Лихэ в книге «Завоевание Китая буддизмом» объяснил это следующим образом: «Конфуций заложил основу для введения буддизма. Два мудреца Конфуций и Будда далеки от того, чтобы противостоять друг другу, но связаны». [Там же, с. 65] В «Сутта-питака разных сокровищ» сказано: «Спасение родительской души это величайшая заслуга, благодаря спасению своей матери я не встречал преград на пути становления буддой. Поэтому, уважаемые монахи, каждый должен старательно следовать принципу сыновней почтительности и заботиться о родителях» [12].

Говоря о сыновней почтительности в буддизме, мы также не должны забывать про истинное назначение бодхисаттвы Кшитигарбхи в китайской культуре. Кшитигарбха – последний из четырёх великих бодхисаттв. В отличие от Авалокитешвары, которая спасает живых существ, Кшитигарбха занимается спасением всех «заблудших душ» в аду. К сожалению, согласно буддийской традиции, реинкарнация – это извечный процесс перерождения в различных мирах, поэтому ад никогда не опустеет, а Кшитигарбха будет вечно исполнять данный им обет [10].

Истории о спасении матери, описанные в «Сутре изначального обета бодхисаттвы Кшитигарбхи», ставят самоцелью проиллюстрировать сыновнюю почтительность Кшитигарбхи лишь для легитимизации буддийского учения в китайской духовной среде. Образ Ди Цзан является прототипом древней истории о Муляне [5], и в его истории сыновняя почтительность была лишь частью общего концепта по распространению буддийского учения. В китайской культуре Ди Цзан рассматривается более глобально, бодхисаттве отведена роль по спасению всех заблудших душ из ужасных адов, не замыкаясь исключительно на отце и матери. Концентрация внимания на образе Кшитигарбхи, как идеале следования сыновней почтительности неправомерна, поскольку деятельность бодхисаттвы в сутре была сужена под влиянием внешних факторов и необходимости подтвердить своё право на существование в китайском религиозно-философском блоке, наряду с конфуцианством и даосизмом.

Литература:

На русском языке:

1. Бодхисаттва ада. Сутра основных обетов бодхисаттвы Кшитигарбхи. [Электронный ресурс]. URL: <http://abhidharma.ru/A/Bodhissatva/Content/Kshitigarbha%20sytra.htm#o2>, свободный. (Дата обращения: 15.09.2022).
2. История династии Хань. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Van_Gu/Kit_filosof/text2.phtml, свободный. (Дата обращения: 15.09.2022).
3. Конфуцианское «Четверокнижие» ("Сы шу") / Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева и др.; вступ. ст. Л.С. Переломова. – М.: «Восточная литература» РАН, 2004. – 431 с.
4. Сторожук А.Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. – СПб.: «Береста», 2010. – 552 с.
5. Стулова Э.С. Образ героя в китайской простонародной литературе (на примере «Баоцзюань о Муляне») // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). 1985 г. Часть 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. С. 55-59.
6. Янгутов Л.Е., Цыренов Ч.Ц. О взаимоотношении буддизма с конфуцианством в период его становления в Китае в эпохи Вэй (220–265 гг. н. э.), двух Цзинь (265–410 гг. н. э.), Южных и Северных царств (420–589 гг. н. э.). (По материалам сочинений средневековых мыслителей) // Учёные записки ЗабГУ, 2015. – № 4. – С. 61-70.

На английском языке:

7. J. J. M. De Groot. Buddhist Masses for the Dead at Amoy. E.J. Brill, 1884. – 120 p.
8. The Buddha Speaks the Ullambana Sutra. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cttbusa.org/ullambana/ullambana.asp>, свободный. (Дата обращения: 15.09.2022).

На китайском языке:

9. Кун-цзы. Лунь юй. (Конфуций. Беседы и суждения). 孔子. 论语. [Электронный ресурс]. URL: <https://lunyu.5000yan.com/>, свободный. (Дата обращения: 15.09.2022).
10. Ма Шутянь. Чжун го фо цзяо чжу шэнь. (Буддийские божества в Китае). 马书田. 中国佛教诸神. – Пекин: Туаньцзе чубаньшэ, 1995. – 451 с.
11. Мэн Цзы. Мэн Цзы. (Мэн-цзы. Мэн-цзы). 孟子. 孟子. [Электронный ресурс]. URL: <https://ctext.org/mengzi/zhs>, свободный. (Дата обращения: 15.09.2022).
12. Цза бао цзан цзин. (Сутта-питака разных сокровищ). 雜寶藏經. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.blisswisdom.org/publications/sutras/a/004/258-001/1103-005>, свободный. (Дата обращения: 15.09.2022).